

ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ФАКТ РЕЦЕПТИВНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ИСТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА БАЛЛАДЫ В.А. ЖУКОВСКОГО «СВЕТЛАНА»)

Рассматривается перевод «Светланы» Жуковского на английский язык, выполненный ирландским переводчиком Джеймсом Манганом. Наша цель – показать, как немецкая баллада, пропущенная через русскую национальную традицию, возвращается в европейский контекст.

Ключевые слова: баллада; фольклорные образы; перевод.

Одним из самых известных переводов и переложений баллады Г.А. Бюргера «Ленора» (1773) является «Светлана» (1808–1812), написанная «Коломбом русского романтизма» В.А. Жуковским. Известно, что к немецкой балладе Жуковский обращался трижды. В 1808 г. появилась баллада «Людмила», которую поэт охарактеризовал как «подражание бюргеровской Леноре». В 1831 г. Жуковский сделал более точный перевод произведения Бюргера, оставив авторское название как бы специально для того, чтобы продемонстрировать умение создавать не только вольные переложения иноязычных авторов, но и произведения, близкие к оригиналу (в нашей работе для сравнения мы будем ориентироваться на этот перевод). «Светлана» Жуковского, опубликованная в 1812 г., имеет лишь сюжетную основу названной немецкой баллады, является вполне самостоятельным произведением русского поэта, следствием окончательной акклиматизации романтической баллады на русской почве. Именно «Светлана» Жуковского считается «визитной карточкой» первого русского романтика, самой известной из всех его баллад.

Наряду с «Певцом во стане русских воинов» баллада «Светлана» является наиболее переводимым текстом Жуковского. Существует пять переводов русской баллады на английский язык. Самым интересным, на наш взгляд, является перевод, опубликованный в «Дублинском журнале» в 1848 г. под инициалами J.C.M. и припиской «From the Russian of Tzobovsk». Инициалы и название журнала дают возможность предположить, что автором перевода был Джеймс Манган (James Clarence Mangan, 1803–1849), известный ирландский переводчик и поэт.

История жизни Джеймса Мангана печальна. Сын разорившегося бакалейщика, он провел всю жизнь в нищете, был подвержен депрессиям, известен своим тяжелым характером и эксцентричным внешним видом. Ирландский поэт пережил не одну любовную трагедию, оставившую след не только в его жизни, но и повлиявшую на поэзию. Позднее он пристрастился к алкоголю и опиуму и умер от холеры в возрасте 46 лет. Творческое наследие Мангана включает в себя около тысячи произведений. Его называют одним из величайших ирландских поэтов XIX в., а его стихотворения ценят за «изобретательную игру слов, смелые рифмы, установку на комичное и гротескное, готические и романтические образы» [1]. Манган в совершенстве владел немецким языком и увлекался переложением иностранных произведений на ирландские мотивы с помощью немецких подстрочников. Предполагаем, что перевод «Светланы» был выполнен подобным образом.

О том, что перевод ирландского поэта в «Дублинском журнале» является переложением «Светланы» Жуковского, указывает несколько фактов. Об этом упоминает в своей антологии Лео Винер [2. С. 55]. Приписка к переводу «From the Russian of Tzobovsk» представляет особый интерес. Скорее всего, имелся ввиду Тобольск, куда Жуковский ездил с цесаревичем: путешествие проходило 1 июня 1837 г. из Екатеринбург в Тюмень, потом в Тобольск. Можем предположить, что эту «достоверную» информацию Манган узнал от человека, предоставившего англичанину немецкий подстрочник русской баллады. Интересным представляется тот факт, что в одном из своих произведений – «Сибирь» – Манган описывает ужасы и суровость сибирского края (заледенелые слезы на щеках, мор и смерть). Возможно, переводчика заинтересовал подстрочник русского произведения именно в связи с отношением к сибирскому городу Тобольску (либо Манган сделал ее специально для того, чтобы усилить inferнальность и без того зловещего перевода). О том, что переводное произведение является именно балладой «Светлана», указывает и сюжет самого произведения, в конце которого героиня просыпается от страшного сна и на рассвете встречает своего жениха (в остальных балладах героиня погибает).

Стоит отметить, что в своем переводе Манган задался нетривиальной целью – вернуть переработку Жуковского назад, в европейскую традицию. Насколько сознательной была эта идея английского переводчика, мы можем только предполагать: либо он знал, что произведение Жуковского – это перевод бюргеровской «Леноры», заинтересовался стремлением поэта «из сибирской глубинки» перевести немецкую балладу и решил поставить определенный эксперимент по возвращению образов, мотивов баллады в свою традицию. Либо он не подозревал о перекличке немецкого и русского произведений, не заметил «сказку» Жуковского, а почувствовал «родную» фактуру, отозвался на «свое» в русском стихотворении. Благодаря своему интересу к миру предромантической баллады Манган как бы ненамеренно вернулся в свой контекст (мы склоняемся к первому предположению).

В любом случае встреча двух поэтов-переводчиков, один из которых перенес немецкую балладу на русскую национальную почву, а второй ввел произведение вновь в европейскую стихию, представляет значительный интерес.

В истории русской поэзии «Светлана» Жуковского была одной из первых самобытных русских баллад. Весь сюжет произведения трактован в рамках бытовой сцены святочных гаданий девушек, описанной с удивительной точностью, в лексике и стиле баллады отчет-

ливо слышны отголоски русских народных песен и романсов. Приметы русского национального колорита суммированы Жуковским; он первый дал как-бы обязательный набор этих примет, несколько стилизованных, но выразительных: зима, снег, сани, колокольчик, га-

данье, икона, избушка; затем в финале – опять снег, зимняя дорога, сани, колокольчик, наконец, намек на «русскую свадьбу». Перед читателем открывается картина русской жизни, противоречивая русская душа. Посмотрим на первую строфу баллады:

Жуковский. 1812	By James Mangan. 1848	Подстрочник (здесь и далее подстрочник мой. – Е.Б.)
<i>СВЕТЛАНА</i> А.А. Воейковой	The Eve of Saint Silvester	Канун святого Сильвестра
Раз в <i>крещенский вечерок</i> Девушки гадали: <i>За ворота башмачок,</i> <i>Сняв с ноги, бросали;</i> Снег пололи; под окном Слушали; кормили Счетным курицу зерном; Ярый воск топили; В чашу с чистою водой Клали перстень золотой, Серьги <i>изумрудны;</i> Расстилали белый плат И над чашей пели в лад Песенки <i>подблюдны.</i> [2. С. 52] (Здесь и далее курсив мой. – Е.Б.)	i. Now is the <i>Eve of Saint Silvester</i> Maiden till morn is <i>forbidden to rest her</i> <i>Woe to the sceptic! Woe to the scorner!</i> <i>She will be punished by magical spell:</i> Slippers must now be flung in the corner, Ladies and spoons thrown into <i>the well,</i> And upon <i>oaken bench</i> or block The millet be measured thrice for the cock. <i>Away with doubtings! Away with fearings!</i> <i>Up, young damsels! Up to your task,</i> You'll soon be returned the pearls and ear-rings Whose loan the <i>Powers of Sorcery</i> ask. [3. С. 781]	i. Сейчас канун святого Сильвестра Девушкам до утра запрещено отдыхать Горе скептику! Горе лицемеру! Она будет наказана волшебными чарами: Тупли должны быть брошены в угол, Одеяния и ложки выброшены в колодец, А над дубовой скамьей или чурбаном Просо три раза отмеряно для петуха. Прочь сомнения! Прочь страхи! Вставайте, девицы! Приступайте к работе, Вскоре вернутся жемчуга и серьги Тем, кто просил у Колдовских Сил. [4]

Баллада названа по имени главной героини, и представляется, что Жуковский выбрал это имя не случайно. Имя Светлана – славянского происхождения, образовано от слова «светлый». Таким образом, с первых строк произведения читателю дается понять, что, несмотря на тревожное ощущение, производимое гаданиями, развязка будет светлой. Все произведение как бы пронизано светом и производными от этого слова («свет очей», «белоснежный голубок со светлыми очами», «светлица», «светит луч денницы»).

У Жуковского перечислено около 10 видов гаданий, в том числе с пением так называемых подблюдных песен. В начале XIX в. гадания уже утратили свою первоначальную магическую основу и стали своеобразной девической игрой. Несмотря на то что к этой игре девушки относились серьезно, суеверно, желание их заглянуть в будущее, предсказать судьбу связано, скорее, с любопытством и весельем; ночь святок – самое подходящее для этого время. Святки несут в себе светлое начало, это две «святые недели» перед Крещением, религиозный праздник. Такое сочетание религиозного и языческого пластов в русском сознании органично и противоречия с церковной традицией не вызывает; прикоснуться к потустороннему миру не возбраняется, но о том, чтобы «перешагнуть» эту грань, речи не идет.

Начало баллады Жуковского – в женственном, девичьем ореоле. Поэт передал очарование юности. Героиня – «милая Светлана», окруженная другими девушками, тоже «милыми». Все, связанное с ними, вызывает ласковые интонации поэта: «башмачок», «песенки», «локоток», «крещенский вечерок», «подружки», «подруженьки». Поэт воспроизводит привлекательный и изящный девичий мир, в котором значимы и «башмачок», и «серьги изумрудны», и перстень золотой, а особенно зеркало. Даже у коней, на которых приехал жених-мертвец, – «повода шелковы», красивы. В произведении Жуковского присутствует легкость, напевность, с которой девушки призывают главную

героиню погадать. Напевность создает ассоциацию с хороводами, веселостью и беззаботностью девиц.

Манган называет произведение «Канун Святого Сильвестра», а героиню баллады – Лорой, что соответствует полному имени Элеонора, Ленора. Здесь просматривается очевидная параллель с произведением Бюргера. Предполагаем, что баллада Бюргера была известна Мангану и англичанин делал свой перевод на основе двух вариантов. Манган вслед за Бюргером дает имя и жениху Светланы: Рудольф (у Жуковского не дается его имя). Сравнивая звучание имен, можно отметить звукопись: аллитерации («зеркальное» повторение сонорных плавных согласных л, р (Лора) – р, л (Рудольф), ассонансы.

Обряд гадания Жуковского Манган понимает по-своему. Его героиня обращается к потусторонним силам, силам зла. Уже в первой строфе присутствуют все основные идеи западноевропейского отношения к обращению к загробному миру: зловещая атмосфера, царящая в праздник святого Сильвестра, призыв к злым духам. Создается аллюзия на созыв нечисти, ведьминский шабаш, который собирает участников последующего действия. Отвергается всякое сомнение в магической силе гадания: «Woe to the sceptic!» (Горе скептику!). Игровые варианты русских гаданий Жуковского заменены Манганом на колдовские обычаи ведьм: известно, что ведьмы боятся серебра и гадают часто нагие (silver spoons, ladies in the well). В английском переводе выражается угроза в случае уклонения от гадания: если девушка ослушается, «она будет наказана волшебными чарами» (she will be punished by magical spell). В первой строфе прослеживается и тот факт, что гадающая готова перешагнуть барьер, разделяющий жизнь и смерть, и встретиться с «колдовскими силами» (Powers of Sorcery). Если во второй строфе у Жуковского девушки поют главной героине хороводную песню, ласково приглашая ее саму присоединиться к песне, поиграть-погадать, то подружки Лоры *соблазняют*

главную героиню взглянуть в зеркало, *завлекая* (как будто совершить грех) девушку приступить к магической забаве, подробно описывая «встречу с ее любимым».

В своей балладе Жуковский воплощает национально-характерный русский женский тип, в котором он выявляет, прежде всего, мягкость, верность, покорность судьбе, благочестивость, а также поэтичность, идущую из глубинных фольклорных истоков. Светлана нежна, мечтательна, чиста, целомудренна, охвачена кроткой печалью и тихой скорбью, одинока, тоскует по милому («ким лишь красен свет, им лишь сердце дышит»). В духе своего времени она религиозна и суеверна. Светлана смотрит в зеркало с робкой надеждой услышать ответ на затаенный вопрос – о судьбе ее милого. Жуковский психологически тонко и точно передает душевное состояние девушки, охваченной ночными страхами перед неведомым, таинственным, потусторонним миром с его чудесами.

Героиня перевода Мангана совсем иная. Это не нежная, робкая и покорная судьбе девушка. В самом начале произведения она появляется со слезами на глазах, мертвенно-бледными щеками. Лору одолевают сомнения, она изнемогает в безысходности грядущих событий, с которыми хоть и готова бороться, но чувствует тщетность своих усилий. Перед самым гаданием Лора Мангана видит «вещий сон», будто бы ее жених погиб от чумы, и она приступает к гаданию с чувством обреченности: девушка знает, что во время гадания вид в зеркале «будет одним» – смерть (Even though the sight be one, alas), она задается вопросом: «Is there no escape?» (И нет мне выхода?). Завидев в зеркале отражение, она громко кричит и требует объяснить появление «фигуры». А узнав ее, испытывает «счастье и дикий восторг» (O glad and wild surprise!). Задавая вопрос, узнал ли жених в ней свою возлюбленную («Thou knowest not Lora? – knowest not me?»), девушка опять срывается на крик (аналогия с Бюргером – героиня неистовая, бесноватая, безумная) [3. С. 782].

Различия ощутимы и в образах героя. У Жуковского это земной человек, который при появлении обнимает девушку и нежно шепчет: «Я с тобой, моя краса / Укрылись небеса / Твой услышан ропот!» В его словах просматривается бережное отношение к Светлане: «Радость, свет моих очей» [2. С. 55]. У Мангана главный герой не узнает героиню, он «незнакомец», «видение (объект)», которое имеет лишь «человеческие очертания», «фигура», у него «два блестящих, горящих глаза», «холодные и стеклянные». Героиня предчувствует, что «он не рожден на земле» (this vision surely, is not born of Earth) [3. С. 782]. Тем не менее она едет с ним, чувствуя обреченность поездки с мертвецом. У Мангана он хоть и жених, но – из потустороннего царства (диалог между героями, который Манган вводит в произведение, созвучен словам в балладе Бюргера).

Основные концепты, которые создают атмосферу произведения: пейзаж, мотив пути, дороги – очень ярко представлены у Жуковского. Ночь, луна, спутник-жених, тайное венчание в тихой церквушке, где уже все приготовлено, дьячок, безмолвие, поездка в дальнюю хижину – все подчинено любовному сюжету. Здесь развит сюжет русских романсов, русских народ-

ных лирических песен. Это поездка невесты и жениха к любви и счастью, которая хоть и омрачена бледностью, ирреальностью жениха, но все же проникнута ожиданием светлого разрешения.

Путь у Жуковского насыщен русскими, «земными» концептами: русское поле, степь. Образ тройки органично входит в мотив пути, хотя о тройке сказано не прямо, а иносказательно. Когда в произведениях устного народного творчества речь идет о конях и звоне колокольчика, у читателя сразу создается образ русской тройки с санями – самый яркий концепт русской языковой картины. Жуковский дает динамическое изображение тройки – часто при использовании и безглагольной динамики; «кони рьяны», «повода шелковы» – постоянные фольклорные, народные эпитеты.

У Мангана описано не просто путешествие двух любящих людей, это путь в ад на конях-близнецах (т.е. их только два). Непогоду из баллады Жуковского, сопутствующую влюбленным, Манган превращает в inferнальную стихию. Героев преследуют зловещие, апокалиптические знаки: «Что за громкие раскаты раздирают небо, и густые облака мрачнеют?» (What loud heavenquake rends the sky / As its dense clouds darken?), «вода, как Мертвое море, поднялась над обоими» (but a water-waste, like the Dead Sea / Rose on the sight of both, with a dead and death-black strand) [3. С. 783]. Все смешалось – времена года, стихии. Создается впечатление, как будто все природные проявления непогоды: море (вода), снег, раскаты неба сплелись в единую силу, символизирующую апокалипсис. Здесь можно упомянуть о том, что текст всей баллады Мангана неоднородный, то ломаный, то, скажем, при описании стихий, похож на выдержки из Священного Писания – скорее всего, узнаваемые английским читателем и ассоциативно связанные с созданием атмосферы конца света. Интересна и капитализация слов, используемая Манганом. Это усиливает ощущение того, что перед нами – библейские отрывки.

В балладе Жуковского по роли «голубочка» в происходящем (лишает сил мертвеца) можно сделать вывод о его противоположности злым силам, представленным в образе мертвеца, и о близости Богу, о его ангельской сущности: он появляется именно для спасения девушки. Стоит отметить, что, несмотря на всю гадательную и отчасти мистическую атмосферу в «Светлане», произведение содержит большое количество оберегов – серьги изумрудны, свеча, голубок (ангел – хранитель главной героини). Соответственно Бог и вообще проблема божественной предопределенности, защиты человека высшими силами играет в балладе Жуковского важную роль. Она получает и религиозный смысл. Представляется, образ белого голубя – своеобразного «ангела-утешителя», к которому Светлана обращалась до гадания, умолая: «Утоли печаль мою», – это и есть добрый посланник небес «со светлыми глазами». Эпитет «белый» дает представление о чистоте, святости ангела, который хранит Светлану, спасает ее от мертвеца.

Опорные, ключевые слова баллады Жуковского – Спаситель, Творец, Зиждитель, Создатель – совсем не находят выражения у Мангана. Английский переводчик лишь однажды использует слово «Небеса» (Heaven), зато в его произведении появляются потусто-

ронные силы: «нечестивые духи», «злые силы», «множество духов». У Жуковского подробно перечисляются церковные служители: поп, дьякон, дьячки – предметная ниша русского жизнеустройства. У Мангана: «монахи» (monks), «плакальщики» (mourners), «временные жители» (sojourners), священнослужителей нет вообще. Сама церковь появляется у Мангана в конце – это отнюдь не тихое место, где тайно венчают героев, но чистилище, граница между миром мертвых и живых. В финале английского произведения кажется, что Лора не просыпается ото сна, но намеренно «воскрешена» переводчиком из царства мертвых. У Мангана вообще отсутствует образ «голубка» – ангела, вместе с тем и религиозный аспект произведения.

Окончание сна и пробуждение Светланы и Лоры различны. Сон Светланы заканчивается защитой голубком девушки от мертвеца. Светлана пробуждается светлым утром и размышляет о значении сна. Жуковский рисует все ту же идиллическую картинку раннего безмятежного утра с пением петуха, блестящим снегом «на солнышке», звоном колокольчика.

Сюжет Мангана практически дословно повторяет развитие событий в балладе Бюргера. Из английского перевода мертвец исчезает, а скорее «присоединяется» к монахам, плакальщикам, начинающим петь-завывать ужасающую песню перед Лорой. Попытка девушки убежать, ее падение венчают финальную сцену сна главной героини. Духи, песнь, гроб, нагнетание ужаса, погружение в потустороннюю реальность, дьявольщина – все эти элементы присущи и немецкой балладе.

Итак, подведем итоги. Во-первых, сюжетная линия баллады Жуковского и Мангана схожа: гадание, страшный сон, радостное пробуждение. Однако отличается композиция баллады: у Жуковского произведе-

ние как бы распадается на три части: гадание, страшный сон и радостное пробуждение, у Мангана практически вся баллада – страшный сон, пробуждение наступает только в последней строфе. У Мангана наблюдаются переключки с «Ленорой» Бюргера.

В английском переводе практически не отражаются русские реалии (метель и ее синонимы у Жуковского: вьюга, метелица; храм, церковь и др.), отсутствуют мотив молитвы и символический образ белого голубя. Манган использует больше изобразительно-выразительных средств, нагнетающих зловещую атмосферу.

Финальные выводы баллад также разные. Концовка баллады русского поэта – морального, басенного характера: «Лучший друг нам в жизни сей Вера в Провиденье / Благ Зиждителя закон...» [2. С. 61]. Вера в Божий суд, в торжество Божьего суда – только в этой ситуации, с точки зрения Жуковского, может быть счастье, пробуждение к свету.

Мораль Мангана понятнее и жестче: героиню настигает кара за тщеславие. Тот, кто силу свою ставит выше божественной, будет наказан. По нашему мнению, сама цель баллады Мангана отлична от «Светланы» Жуковского. Гадание, колдовство у Мангана граничат с призывом к дьяволу, обращением к высшим и часто темным силам. Желание изменить реальность, повлиять на ход жизни с помощью колдовских сил зла, использовать магию – это грех, который должен быть наказан, и, возможно, карателями будут сами темные силы. Манган как читатель и как переводчик не понял Жуковского, хотел донести в своем переводе концепты, близкие европейскому сознанию. Поэтому произведения Мангана и Бюргера стоят ближе друг к другу, по сравнению со своим русским аналогом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dictionary of National Biography*. Режим доступа: <http://www.oxforddnb.com>
2. *Wiener Leo. An Anthology of Russian Literature*. N.Y., 1903. Vol. 2.
3. Жуковский В. Баллады. М., 2003.
4. J.C.M. The Eve of St. Silvester // *Dublin University Magazine*. June, 1848. Vol. 31.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 апреля 2009 г.